

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В ПОИСКАХ «ЗЕЛеноЙ ПАЛОЧКИ»

Судьба Ясной Поляны находится сейчас в центре внимания нашей общественности. Требуется обеспечить надежную экологическую защиту усадьбы Льва Толстого, пишут о музейном комплексе и выборе для него места — Мурыгин верх или дом отдыха? Особо жаркие споры вызвал архитектурный проект этого комплекса. Высказываются принципиальные соображения насчет руководства уникальным музеем...

Все это очень важные, даже чрезвычайно важные вопросы. Однако пока ни разу всерьез не обсуждался вопрос о самой Ясной Поляне, о ее не музейном, а духовном статусе и о содержании работы, каким оно должно быть в этом избранном месте на земле.

При жизни Толстого его дом был духовным центром мира, притягивавшим к себе паломников со всего света. Людей гнала в дальнюю дорогу жгучая потребность встретиться с Учителем, чтобы в беседе с ним разрешить мучившие их вопросы совести: как избавиться от сумасшествия бессмысленной жизни, где искать «царство Божие», какому труду посвятить свою жизнь, чтобы смысл его не исчезал после смерти, в чем истинное бессмертие, истинное счастье?

Давно уже нет Толстого в Ясной, давно лежит он в ее земле на месте захоронения «зеленой палочки», таинственного талисмана его детства, сулившего счастье всем людям на земле. И — увы! — редко теперь кто-либо заглядывает сюда в поисках «зеленой палочки». Ясная Поляна из центра духовной жизни давно превратилась в один из центров туристического «паломничества».

Когда я вижу на маленькой площадке у яснополянских башенок скопление автобусов, привезших очередную партию торопливых туристов со своими чадами и домочадцами, ведущих себя в усадьбе, как на пикнике, я с тоской думаю: зачем они тряслись в этих автобусах несколько часов, а то и целые сутки? неужто только затем, чтобы посмотреть на дом, где жил писатель, увидеть, за каким столом он обедал, услышать, как он не любил царизм и защищал народ?.. Непременно услышат и об «ошибках» и «заблуждениях» Толстого. К этой поверхностной информации о жизни и деятельности одного из величайших людей планеты и сводится в основном полтора-двухчасовая экскурсия экскурсовода, громко тут именуемого научным сотрудником. Результат такой работы наглядно проступает в вопросах нынешних «паломников», довольно часто в той или иной форме задаваемых в конце экскурсии: «Скажите, а Лев Толстой в конце жизни не повредился рассудком? Уйти из дома от такой обстановки! Чего ему не хватало?»

Статус Ясной Поляны должен оставаться таким, каким он был при жизни писателя. Возродить ее в качестве духовного центра мира — дело нашей национальной культурной чести, долг наш перед всем человечеством.

Ясная Поляна должна быть не просто «музеем-усадьбой Льва Толстого», а Духовной академией русского народа. Здесь должны работать не экскурсоводы, а подвижники, необыкновенные люди, для которых Ясная Поляна стала бы своего рода храмом науки о духовной природе человека. Такая научная работа могла бы, кстати, стать одной из сторон деятельности Института человека, о создании которого давно мечтают наши ученые и наша общественность.

Пока научной концепции о перестройке содержания работы в музее нет и вообще не слышно, чтобы кто-нибудь думал об этом, ибо в нем уже десятилетиями не ведется никакой серьезной научной работы. Такой работе по-прежнему препятствует концепция «двух Толстых»: с одной стороны, гениального художника, с другой — негодного учителя жизни, «помещика, юродствующего во Христе», — являющаяся альфой и омегой нашего отечественного толстоведения.

Нельзя мириться с тем, что самая ценная и наиболее актуальная сейчас для нас часть духовного наследия Льва Николаевича — его нравственная философия — лежит под спудом. Речь идет о многих томах его религиозно-философских сочинений, полностью ни разу не переиздававшихся в послеоктябрьское время для массового читателя. Юбилейное девяностотомное издание, в котором все это есть, давно стало большой редкостью из-за крайне малого тиража именно этих томов (5 тысяч экземпляров). Как он там «юродствовал», в чем «заблуждался» — может, с современной точки зрения не юродствовал и не заблуждал вовсе — нам до недавнего времени не позволялось судить самим, мы обязаны были верить на слово. В «заблуждениях» этих и по сей день пытаются убедить нас многочисленные комментаторы ленинских статей о Толстом, не замечая, что, повторяя давние доводы против Толстого в новых исторических условиях, они все больше и больше расходятся с реальной жизнью.

Мы живем в такое время, когда от каждого из нас требуется предельная искренность и честность и в жизни и во взглядах на жизнь — свою и общества в целом. Расплата за ложь есть ложь. А ложь, на какое-то время возобладавшая в общественном сознании, может принести неисчислимые бедствия народу. Можно лгать друг другу, но истории солгать нельзя.

Мы не можем теперь безнаказанно говорить о многочисленных «ошибках», «слабостях» и «недостатках» Толстого, не подкрепляя свои обвинения глубинным объективно-историческим и научно-философским анализом, не показывая на конкретных примерах, в чем именно он ошибался. Толстой, разумеется, мог ошибаться, как и каждый человек, но мы нередко ошибались и ошибаемся сами в определении того, в чем он ошибался, а в чем оказался прав.

И тут нам на помощь приходит живая история — не та, которую мы теоретически предпочитаем, а та, реалии которой управляют действительным ходом нашей жизни. И вот эта-то реальная история вопреки некоторым нашим скороспелым прогнозам не только не противоречит основным этическим и философским идеям Толстого, но, напротив, сплошь и рядом утверждает их как свои властные требования. И первейшее из них — требование нравственного самоусовершенствования.

«С давних пор существуют два способа перестройки и улучшения жизни: путь социальных реформ и путь нравственного самовоспитания, нравственного самоусовершенствования, которое так усиленно и страстно проповедовал Лев Толстой...— писал Федор Абрамов в своих записных книжках, как бы предвосхищая перестройку.— Исторический опыт показал, что одними социальными средствами невозможно обновить жизнь, достигнуть желаемых результатов. Нужен одновременно второй способ. Это — самовоспитание, строительство своей души, своего отношения к миру, иными словами, каждодневное самоочищение, самокритика, самопроверка своих деяний и желаний высшим судом, который дан человеку, — судом собственной совести».

Когда-то многим представлялось, что идеи непротивления злу насилием и нравственного самоусовершенствования, вера в совесть как «божественное начало» в человеке не понадобятся строителям нового мира, их заменит революционная этика социальной классовой борьбы.

Теперь, переосмысливая свой исторический опыт, мы судим иначе. Оказалось, что идеи социализма и коммунизма, основанные на узкоклассовом эгоизме, то есть на интересах одного-единственного класса — пролетариата, а внутри этого класса на еще более узком партийном эгоизме, вызывают недоверие, сопротивление народов, компрометируют идею социализма как общества социальной справедливости. (Один из самых близких уроков — гражданская война в Афганистане, после стольких жертв приведшая к идее национального примирения.) Когда узконаправленные эгоистические интересы начинают определять государственную политику, социализм вырождается в свою противоположность и приходится в рамках такого «социализма» вновь бороться за социальную справедливость и демократизацию.

Современная всемирная история, политическая борьба во всех цивилизованных обществах наглядно показывают, что ни прежние представления о социализме, о классовой борьбе, о насильственном свержении старого строя не соответствовали реальному положению вещей. Изменились формы борьбы за социализм, изменился и сам социализм.

Тем более удивительно читать сегодня рассуждения о социализме, которые еще восемьдесят лет назад были включены Толстым в «Круг чтения»:

«Существует два рода социализма. Оба они преследуют наибольшее благосостояние всех.

Один стремится достигнуть всеобщего счастья; другой — дать возможность всякому быть счастливым по-своему.

Один признает власть государства; другой не признает никакой власти.

Один требует монополии для государства; другой желает уничтожения всех монополий.

Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов.

Один верит в социальную войну; другой верит только в дело мира.

Существуют только эти два социализма. Один в возрасте детства; другой — возмужалости. Один уже прошлое; другой — будущее. Один должен дать место другому. И каждый из нас должен выбрать между этими двумя социализмами или же совсем не признавать себя социалистом».

В. И. Ленин в своей концепции Толстого исходил преимущественно из анализа первой русской революции 1905 — 1907 годов: «Принадлежит главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»¹. Учение Толстого в целом, однако, не ограничено ни узковременными, ни узконациональными рамками, оно ставит и разрешает проблемы всей современной цивилизации. Следуя отнюдь не духу, но букве ленинских статей о Толстом, мы связали это учение лишь с одной эпохой одной страны мира, превратив гиганта Толстого в карлика, придав ему несколько даже карикатурный облик раскаявшегося барина-грешника, «помещика, юродствующего во Христе». В статьях В. И. Ленина о Толстом не найти сколько-нибудь основательного анализа творчества и мировоззрения писателя (в таких коротких статьях это и невозможно сделать) — в них дана лишь его развернутая политическая характеристика и оценка с позиций сиюминутных нужд революционной классовой борьбы.

Зная Толстого, невозможно абсолютно отождествить его точку зрения с точкой зрения патриархального наивного крестьянина — она могла, конечно, в чем-то совпадать с крестьянским общинным сознанием (как совпадали с ним точки зрения Чернышевского, Герцена), но, в сущности, была точкой зрения всей духовной цивилизации на критерий и характер исторического прогресса.

Пушкин, а вслед за ним Гоголь и Достоевский указывали на губительный хаос современной цивилизации, на ее слепой, нецеленаправленный характер. Толстой стал бороться с этим хаосом, противопоставляя ему и казенному «порядку» в лице современного государства и официальной церкви иной порядок, устанавливаемый в жизни нравственным законом. Все силы своей души, своего художественного гения Толстой бросил на выработку и утверждение этого нравственного закона. Толстой звал человечество повернуть от хаотической, губительной цивилизации к цивилизации, управляемой разумом, опирающимся на нравственную волю. Воспитание в себе этой нравственной воли он считал первейшей обязанностью человека. Отсюда родилась его система самовоспитания, нравственного самосовершенствования.

Точка зрения наивного крестьянина мало кого интересовала, точкой зрения Толстого интересовался весь мир. Сам Толстой называл себя адвокатом стомиллионного земледельческого народа.

Толстого нельзя ставить на одну доску с участниками революции: он не «не понял», а не принял революцию, не мог «отстраняться» от нее, потому что не призывал к ней. «Кричащие» противоречия в произведениях, жизни и взглядах Толстого, о которых говорится в статьях Ленина, имеют совсем иной характер и смысл, чем противоречия крестьянских масс, участвовавших в революции. Они были не внешние, а внутренние, касались не отыскания способов перестройки окружающей жизни, а следования в своей жизни религиозно-этической доктрине. Толстой писал в дневнике в 1894 году: «Господи, помоги мне. Научи меня, как нести этот крест. Я все готовлюсь к тому кресту, к[оторый] знаю, к тюрьме, виселице, а тут совсем другой — новый, и про к[оторый] я не знаю, как его нести. Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20.

юродства, что я должен своей жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение к[оторой] дороже мне жизни. Должно быть, что я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутинок, кот[орые] сковали меня. И не от того, что нет сил, а от того, что нравственно не могу, мне жалко тех пауков, к[оторые] ткали эти нити. Нет, главное, я дурен: нет истинной веры и любви к Богу — к истине. А между тем, что же я люблю, если не Бога — истину?» Вот его подлинное противоречие, о котором он сам «кричал» всю вторую половину жизни и которое заставило его в конце концов, уже восьмидесятидвухлетним стариком, уйти из дома, разорвать все эти путы...

Надо наконец сказать правду: в советском толстоведении победила не точка зрения В. И. Ленина. Ленин не был догматиком, он как самое драгоценное наследство передал нам не формулировки и выводы в тот или иной исторический отрезок времени, а метод революционной диалектики. После Октябрьской революции Ленин уже иначе, чем в 1908—1911 годах, относился к духовному наследию Толстого, оно стало ближе ему, стало даже необходимым в свете тех новых задач, которые встали перед новым, социалистическим государством. Именно тогда Ленин формулирует мысль о том, что социалистическая культура не самородный дичок, она должна вырастать на почве всей мировой культуры, и «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Это был отход от прежней установки о «двух культурах». Именно тогда Ленин как глава социалистического государства распорядился Толстого напечатать полностью. Но такая теория социалистической культуры, основывающейся на демократическом социализме, не вписывалась в сталинский «социализм».

Революция как жест отчаяния, когда вздымаются «горы ненависти, злобы», накопившиеся в трудовых массах за всю многовековую историю рабства, бунт, которого так страшился Пушкин. Ни идеологом, ни «зеркалом» такой революции Толстой, конечно, быть не мог — ни вольно, ни невольно. С его точки зрения, любая насильственная революция имеет только внешние цели, она не является действительным коренным переворотом жизни человека и общества и поэтому не является действительно революцией.

Толстой никогда не уклонялся от политики и от политической борьбы. Но он защищал свою, альтернативную, политику и свою, альтернативную революцию — революцию духа. Ту самую, необходимость которой уже после Октябрьской революции почувствовал Вл. Маяковский:

...встает из времен
революция другая —
третья революция
духа.

Именно в этой третьей революции, названной нами перестройкой, мы теперь сами участвуем, сравнивая по значению этот духовный переворот нашего сознания с переменами, произошедшими в октябре 1917 года. И именно к этой духовной революции призывал Лев Толстой еще сто лет назад.

Борис СУШКОВ,
кандидат искусствоведения.

Тула.